



НАТАНИЕЛЬ

ГОТОРН



Легенды губернаторского дома



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г74

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Готорн, Натаниель.

Г74 Легенды губернаторского дома : [сборник : перевод с английского] / Натаниель Готорн. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-150143-3

Натаниель Готорн — автор не только «Алой буквы», признанной классики XIX века, но и множества рассказов и новелл в жанрах мистики и ужасов. Его произведения «Молодой Гудман Браун», «Мастер красоты», «Огненное очищение Земли», «Опыт доктора Хейдегера», «Маскарад у генерала Хау» сравнимы с такими шедеврами, как «Маска Красной смерти» Эдгара Аллана По, «Случай на мосту через Совиный ручей» Амброза Бирса, «Рип ван Винкль» Вашингтона Ирвинга.

В сборник вошел весь цикл новелл «Легенды губернаторского дома», а также еще полтора десятка рассказов.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод. И. Комарова, 2018
© Перевод. В. Муравьев, наследники, 2018
© Перевод. Е. Токарев, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Видение в ручье

Когда мне было пятнадцать лет, я приехал погостить в деревню, расположенную более чем в ста милях от моего родного города. На другое утро после приезда — на дворе стоял сентябрь, но утро выдалось такое теплое и солнечное, что не уступало июльскому, — я отправился побродить по лесу. Густая листва дубов, росших там вперемежку с орешником, почти смыкалась у меня над головою, образуя непроницаемый свод. Земля в лесу была неровная и каменистая; во всех направлениях его пересекали тропки, протоптанные между кустами и молодыми деревьями пасшейся тут местной скотиной. Одна тропа показалась мне шире других; она вывела меня к хрустально-прозрачному роднику, берег которого покрыт был свежей, почти что майской зеленью. Над водою, отбрасывая кружевную тень, нависала ветка раскидистого дуба; одинокий солнечный луч пробивался сквозь густую листву и играл в ручье, как золотая рыбка.

Мне с детства нравилось наблюдать за течением воды, и я тут же предался своему любимому занятию. Ручей в этом месте расширялся, образуя небольшой, но довольно глубокий водоем приятной округлой формы, нечто вроде выложенной камнями чаши; некоторые камни поросли мхом, другие отливали самыми разнообразными оттенками белого, бурого и красноватого цветов. Дно было песчаное; крупные зерна песка поблескивали в луче

солнца, и казалось, что водоем освещается снизу — не отраженным, а собственным светом. В одном месте течение сильно взмутило песок на дне, но при этом вода в глубине оставалась прозрачной, а поверхность родника — гладкой как зеркало. Мне представилось, что из ручья вот-вот возникнет живое существо — какая-нибудь речная нимфа или наяда в облике юной горделивой красавицы, в прозрачном покрывале из водорослей, в ожерелье из радужных брызг, холодная, чистая и бесстрастная. Я заранее ощутил дрожь страха и восторга, которая охватила бы нечаянного зрителя при виде того, как она, припустившись на камне и опустив в воду свои беленькие ножки, шалит с волнами и поднимает тучу брызг, чтобы полюбоваться их блеском на солнце. Она касалась бы играючи травы и цветов — и они тут же покрывались бы капельками влаги, словно первой утренней росой. Вдоволь наигравшись, она бралась бы за работу, как рачительная хозяйка, и приводила в порядок свой родник: выбирала из него сухие листья, полусгнившие щепочки, прошлогодние желуди, зернышки пшеницы, попавшие в ручей во время водопоя, и прочий мусор, и песок на дне начинал бы сверкать, словно россыпь драгоценных камней. Но если бы случайный наблюдатель дерзнул приблизиться, то на том месте, где ему явилось чудесное создание, увидел бы лишь легкую завесу летнего дождя...

Богиня водной стихии, однако же, не показывалась, и тогда я сам прилег на прибрежный травяной ковер и склонился над водою. Из водного зеркала на меня глянули глаза — отражение моих собственных. Я всмотрелся внимательнее — и что же? Рядом с моим в глубине родника виднелось еще чье-то лицо — отчетливое и вместе неуловимое, как мимолетная мысль. Видение мое имело облик обворожительной юной девушки с бледно-золотистыми кудрями. Глаза ее лучились смехом, в ямочках на щеках пряталась лукавая улыбка, и все ее прелестное личико, по которому то и дело пробегали

легкие тени, непрестанно было в движении — словом, если бы игривый лесной ручеек, журча и плескаясь на солнце, вздумал обернуться женщиной, более подходящего воплощения нельзя было бы и вообразить. Сквозь прозрачный румянец ее щек я различал в воде побуревшие дубовые листья, обломки веток, желуди и устилавший дно песок. Одинокий солнечный луч играл в ее волнистых волосах, пронизывая их мягким, трепетным светом, отчего ее головка казалась окруженной волшебным сияющим ореолом.

Мое пространное описание совершенно не передает внезапности, с которою явилось и исчезло чудное видение. Я сделал вдох — и увидел его; я выдохнул — и оно пропало! Может быть, моя нимфа ускользнула, а может, растаяла в воде? Я уже готов был поверить, что она мне только пригрезилась...

Любезные мои читатели, вообразите, в какие сладостные мечты я погрузился, оставшись на берегу ручья, где посетило меня и вновь покинуло волшебное видение! Я провел там без малого час; сперва сидел притаившись, ожидая, что оно покажется опять, и боясь спугнуть его неосторожным движением или вздохом. Так иногда, пробудившись от сладких сновидений, мы остаемся лежать в постели, закрыв глаза, в надежде, что сон наш продолжится... И все это время я размышлял о природе загадочного явления. Может статься, оно мне померещилось и было лишь плодом моей фантазии — сродни тем несветным созданиям, которые снятся детям, наслушавшимся сказок? Ужели эта пленительная краса порадовала меня на миг, растворившись затем без следа? А может быть, это была все-таки фея или наяда, покровительница ручья, или лесная нимфа, которая прибежала полюбоваться своим отражением? Или мне явился призрак какой-нибудь безымянной девы, утопившейся здесь от несчастной любви? Наконец, то могла быть и вполне земная девушка из плоти и крови, в чьей груди билось настоящее

сердце и к чьим губкам можно было бы приникнуть... Что если она неслышно подошла к берегу у меня за спиной и на миг отразилась в воде?

Я все смотрел и ждал, но видение не возвращалось. После часа напрасных ожиданий я покинул это место, вконец замороженный, и в тот же день, ближе к вечеру, неодолимая сила снова потянула меня туда. Все было там по-прежнему: так же струилась вода, так же поблескивал песок на дне, так же сквозил в листве солнечный луч. Только видения не было: вместо него взору моему предстала громадная пятнистая лягушка — местная пустынная, которая тотчас юркнула под камень и затаилась там, выставив наружу свои длинные задние ноги. «Что за дьявольщина! — подумалось мне. — Уж не злая ли это колдунья и не держит ли она под водою в плену мою красавицу?» Я готов был убить эту противную лягушку!

Унылый и подавленный, возвращался я к себе в деревню. Издалека уже завидел я церковную колокольню; прочие же деревенские строения заслонял от меня небольшой, поросший деревьями холм, высившийся как раз на полдороге. Это был как бы отдельный, самостоятельный лесок; на верхушках дубов еще играли отблески закатного солнца, а к востоку от холма ложилась тень. В преддверии сумерек солнечный свет казался печальным, а тень, напротив того, веселой: в безмятежности предзакатного солнца смешивались блеск уходящего дня и мрак наступающей ночи, как будто под деревьями на вершине холма встречались и братались в этот час дух дня и дух вечера, и трудно было отличить их друг от друга. Наслаждаясь этой мирной картиной, я вдруг заметил, что из чащи деревьев показалась юная девушка. Сердце мое встрепенулось: я узнал ее! Это была моя водяная красавица. Но сейчас она была так далека, воздушна и бесплотна, так преисполнена светлой печали, разлитой вокруг места, где она стояла, что у меня упало сердце. Смогу ли я когда-нибудь приблизиться к ней?..

Пока я любовался ею, налетел короткий летний дождь. Он весело забарабанил по листьям, и воздух тут же наполнился сиянием, потому что в каждой падающей капле вспыхивала искорка солнца. Туманная пелена дождя, на вид почти невесомая, затянула горизонт, как бы стремясь вобрать в себя закатный солнечный свет. В небе выгнулась многоцветная радуга — яркая, точно радуга над Ниагарским водопадом. Южный ее конец достигал как раз леска на вершине холма, окутывая мою нимфу покровом, сотканным из небесных красок, единственно достойных прикоснуться к ней. Когда же радуга растаяла, вместе с ней исчезла и та, которая казалась ее неотъемлемой частью. Может быть, эфемерный призрак и вправду растворился в зыбком воздухе, поглощенный одним из красивейших явлений природы? И однако я не стал поддаваться отчаянию: верил, что снова увижу ее, — ведь она предстала мне в сиянии радуги, как символ надежды!

Так расстался я с моим видением, и с момента разлуки прошло немало печальных дней. Я искал ее всюду и везде — у ручья и в дремучей чаще, на лесистом холме и в своей деревне; искал на рассвете, по утренней росе, в горячий полдень и в тот волшебный час заката, когда видел ее в последний раз, — но искал напрасно. Дни шли за днями, пролетали недели и месяцы, а она так и не показывалась. Я никому не мог поверить свою тайну; я бесцельно бродил по окрестности или часами сидел в одиночестве, как человек, которому посчастливилось увидеть небо и которого не прельщают больше радости земли. Я уединился в свой особый мир, где существовали только мои собственные мысли и где царило мое видение... Постепенно я сделался как бы сочинителем и вместе героем бесконечного романа: я выдумывал себе соперников, рисовал события самые драматические, включая свои и чужие подвиги, испытывал все, какие только могут быть, оттенки страсти — и в конце концов, пройдя через ревность и отчаяние, познавал неземное блаженство... Ах,

если бы я по сей день обладал пламенным воображением юности! Я смог бы прибавить к нему тот более рассудочный дар, который приносят нам зрелые годы, — дар словесного выражения чувств; и как трепетали бы тогда ваши сердца, мои любезные читательницы!

В середине января я был отозван домой. Накануне отъезда я еще раз посетил места, где являлось мне мое видение: ручей затаен был зеркальной коркой льда, а на холме, над которым в тот памятный день сияла радуга, теперь блестел под зимним солнцем снег. «Нет, я не расстанусь с надеждой, — подумал я, — иначе сердце у меня обледенеет, как этот родник, и мир вокруг покажется таким же пустынным, как этот заснеженный холм». Весь день провел я в приготовлениях к отъезду, назначенному на четыре часа утра. После ужина, уложив свой багаж, я спустился в гостиную, чтобы проститься со своими гостеприимными хозяевами — стариком священником и его семьей. Порыв сквозняка задул мою лампу в момент, когда я переступал порог.

По многолетней привычке — ведь так приятно поусмерничать, когда в камине весело потрескивает огонь! — все домочадцы расположились у очага, не зажигая света. Поскольку скудные размеры жалованья вынуждали хозяина дома прибегать ко всяческого рода экономии, топили тут обычно дубильным корьем — проще говоря, размельченной дубовой корой, которая никогда не горела ярким пламенем, а только тлела потихоньку с утра до вечера. Сегодня в камин была подложена свежая порция этого топлива; на куче корья я различил три сырых дубовых полена да несколько сухих сосновых чурок, которые еще не занялись. В комнате было почти темно, если не считать тусклого свечения двух головешек, лениво догоравших на очаге. Но я хорошо знал, где стоит кресло моего хозяина, где помещается его супруга со своим неизменным вязаньем, как именно надо пройти, чтобы не побеспокоить хозяйских дочек, — одна из них была крепкая, коренастая

девушка, истинная сельская жительница, другая страдала чахоткой. Пробравшись ощупью в потемках, я нашарил наконец свой стул и уселся рядом с сыном священника, ученым малым, студентом какого-то колледжа, который приехал к родителям на зимние каникулы и собирался провести их с пользой, учительствуя в местной школе. Я обратил внимание на то, что стул его был сегодня придвинут к моему ближе обычного.

В темноте люди любят помолчать, и в первые минуты после моего появления в гостиной не было произнесено ни слова. Тишина нарушалась только мерным постукиванием спиц почтенной хозяйки дома. Время от времени слабый отблеск огня в камине отражался в стеклах очков хозяина и на секунду высвечивал силуэты сидящих, оставляя во мраке их лица. Вся эта призрачная сцена походила на сборище потусторонних теней, и у меня мелькнула мысль, что так могли бы сообщаться на том свете души некогда близких людей, сохранивших и за гробом свои земные связи. Мы ощущали присутствие друг друга без помощи зрения, осязания или слуха — одним лишь внутренним сознанием. Не так ли было бы и в вечной жизни?

Молчание прервала чахоточная дочь священника, заговорив с кем-то из присутствующих, кого она назвала по имени — Рейчел. В ответ на ее вопрос, произнесенный прерывисто и еле слышно, прозвучало одно только слово, но слово это было сказано голосом, который заставил меня встрепенуться. Слышал ли я когда-нибудь раньше этот нежный, мелодичный голос? А если нет, отчего он пробудил во мне столько воспоминаний — действительных или кажущихся; отчего он возмутил в душе моей призрак чего-то знакомого и в то же время неведомого; отчего мгновенно нарисовал в моем воображении черты той, которая произнесла в темноте одно-единственное слово? Кого узнало мое сердце, что так отчаянно оно забилось в груди? Я весь превратился в слух, пытаюсь уловить ее легкое дыхание, и, повернувшись на звук ее голоса, изо

всех сил стал напрягать глаза, чтобы разглядеть ее в сумраке гостиной.

Внезапно сухое сосновое дерево занялось; огонь в камине вспыхнул красноватым пламенем, и там, где только что царила тьма, появилась она — мое видение! Я подумал, что она дух света: в прошлый раз она исчезла вместе с радугой, сейчас возникла в блеске пламени из очага — и, наверное, пропадет опять, когда огонь погаснет... Но щеки ее цвели живым румянцем, и черты юного лица в тепле уютной комнаты были еще нежней, еще прелестней, чем представлялось мне в моих воспоминаниях! И она узнала меня! Глаза ее так же лучились смехом, а в уголках губ и в ямочках на щеках пряталась та же лукавая улыбка, что и в тот день, когда красота ее впервые заморозила меня. На миг наши взгляды скрестились — но тут на разгоревшиеся ветки обрушилась куча сырого корья и тьма опять похитила дочь света, на сей раз навсегда...

Прекрасные читательницы, что я могу еще добавить? Должен ли я раскрыть этот несложный секрет и объяснить, что Рейчел была дочерью местного помещика, что ее увезли в пансион на другое утро после моего прибытия на жительство в деревню и что вернулась она в канун моего отъезда?.. И удивительно ли, если я преобразил ее в ангела? Так поступает всякий юный влюбленный. Вот и вся моя история. Как же немного нужно, милые девицы, чтобы вы могли сойти за ангелов!

Молодой Гудман Браун

Молодой Гудман Браун на закате вышел на улицу Салема, но, ступив за порог, обернулся, чтобы поцеловать на прощание молодую жену. А Вера, которой это имя подходило как нельзя лучше, высунула в дверь хорошенькую головку. Ветер тотчас заиграл розовыми лентами ее чепца, когда она обратилась к Брауну.

— Дорогой мой, — тихо и немного грустно прошептала она, наклонившись к самому его уху. — Прошу тебя, отложи путешествие до рассвета и поспи этой ночью в своей кровати. Когда женщина одна, ее одолевают такие сны и мысли, что иногда она сама себя пугается. Пожалуйста, дорогой мой муж, побудь со мной этой ночью — именно этой из всех ночей в году.

— Любимая моя Вера, — ответил молодой Гудман Браун. — Из всех ночей в году именно этой ночью я должен ненадолго тебя покинуть. Мое путешествие, как ты его называешь, нужно завершить, пройдя туда и обратно до рассвета. Неужели ты, моя дивная красавица жена, сомневаешься во мне всего лишь через три месяца после венчания?

— Тогда храни тебя господь, — сказала Вера, и розовые ленты взвились на ветру, — и да увидишь ты все во благодати, когда вернешься.

— Аминь! — воскликнул Гудман Браун. — Помолитесь же, Вера, и ляг спать, как только погаснет вечерняя заря. И ничего плохого с тобой не случится.

Засим они расстались, и молодой человек зашагал своей дорогой, пока, решив свернуть за угол у молельни, не оглянулся и не увидел, что Вера по-прежнему смотрит ему вслед с печальным лицом, несмотря на веселые розовые ленты.

«Бедная Вера! — подумал он с болью в сердце. — Какой же я бессовестный, что оставляю ее, отправляясь по такому делу! Она еще и о снах говорит. Думается мне, что при упоминании о снах лицо у нее было встревоженное, словно сон предупредил ее о том, что надо сделать нынче ночью. Но нет, нет, такие мысли убили бы ее. Ведь она ангел земной, и после этой ночи я неотлучно буду при ней и вместе с нею взойду на небо».

Приняв столь превосходное решение о своем будущем, Гудман Браун счел себя вправе поспешить по теперешнему недоброму делу. Он шел мрачной и безлюдной дорогой, и черневшие деревья делали ее еще темнее, едва расступаясь по обе стороны узкой тропинки, после чего снова смыкались за спиною путника. На тропе не было ни души, а в подобном одиночестве есть та особенность, что идущий не знает, кто может скрываться за бесчисленными стволами и нависающими над головой ветвями. Так что, шагая по безлюдной тропинке, он в то же время может идти сквозь невидимую толпу.

«Тут за каждым деревом может скрываться злобный индеец, — сказал себе Гудман Браун и, опасливо оглянувшись, добавил: — А что если сам дьявол идет рядом со мной?»

Продолжая оглядываться, он миновал поворот и, снова глядя вперед, увидел фигуру скромно одетого человека, сидевшего под старым деревом. При появлении Гудмана Брауна тот поднялся и зашагал рядом с ним.

— Ты опоздал, Гудман Браун, — произнес он. — Когда я проходил по Бостону, часы на Старой Южной церкви били, а это произошло добрых пятнадцать минут назад.

— Меня немного задержала Вера, — ответил молодой человек слегка дрожавшим голосом, причиной чего было внезапное, хотя и не совсем неожиданное появление его спутника.

В лесу уже окончательно стемнело, особенно там, где шли те двое. Второй путник, примерно лет пятидесяти, явно того же звания, что и Гудман Браун, весьма походил на него, однако, возможно, скорее выражением лица, нежели чертами. И все же их можно было принять за отца и сына. Однако в том, что постарше, несмотря на простые одежду и манеры, чувствовалась неуловимая уверенность человека много повидавшего, который не сконфузился бы за обедом у губернатора или при дворе короля Вильгельма Оранского, если бы оказался там волею судеб. Но единственное, что при взгляде на него бросалось в глаза, — это посох, похожий на большую черную змею, столь причудливо выгнутый, что, казалось, он извивается и дергается, как живой аспид. Это, разумеется, было обманом зрения, дополненным еще и изменчивым светом.

— Живее, Гудман Браун! — крикнул его спутник. — Таким шагом негоже начинать путешествие. Возьми мой посох, если ты так быстро устал.

— Друг, — сказал Браун и остановился вместо того, чтобы прибавить шагу, — исполнив уговор с тобой здесь встретиться, я теперь хочу вернуться туда, откуда пришел. Я сомневаюсь касательно ведомого тебе дела.

— Вот как ты заговорил? — отозвался державший аспидный посох. — Давай все же двинемся дальше и по пути поговорим. Если я не смогу тебя убедить, то ты повернешь назад. Мы совсем недалеко зашли в лес.

— Слишком далеко! Слишком! — воскликнул Браун, невольно возобновляя шаги. — Ни мой отец, ни отец моего отца никогда не ходили в лес по подобному делу. Со дней мучеников все мы честные люди и добрые христиане, и быть ли мне первым из Браунов, кто ступит на сей путь и свяжется...